

Глава 1

Коноплёв не любил море, хотя более сорока лет жил на самом берегу и в осенние шторма волны докатывались до усадебной изгороди, а брызги и водяная пыль доставали кроны кипарисов и крышу дома. А порой накрывали сад, отчего фрукты и виноград вызревали солоноватыми, и отдельные сорта даже горькими.

Не зря этот берег назывался Солёной Бухтой.

Он делал вино, однако сам не пил и почти всё продавал отдыхающим, в большинстве случаев северянам, которые ничего не пробовали слаще морковки и были в восторге от крепости вина и его вкуса. Земля, трава, деревья и сам кирпичный дом давно напитались морской солью, испаряющейся в воздух даже зимой, и потому Виктор Сергеевич всегда ощущал горечь на губах и во рту.

Особенно его доставал шум прибоя, и, если море разыгрывалось ночью, он не мог спать и в поисках тишины спускался в бетонированный блиндаж — винный погреб, где для этой цели стояла раскладушка со спальным мешком.

Несмотря на солидный возраст, он ничем не болел, выглядел молодо и голос был не старческий — могучий низкий бас, как у оперного певца. Кроме сада, рыбалки и добычи антиквариата со дна ненавистного моря, у него было два страстных занятия — чтение газет, которые он выписывал или в последнее время покупал пачками, вплоть до «Пионерской правды», и второе, самое любимое, — кузнечное ремесло и кузня, выстроенная собственными руками ещё в пятидесятых годах, когда он перебрался на юг. Коноплёв был открыт для всех отдыхающих и почти ничего не таил от них, кроме содержимого каменного сарайчика в дальнем углу сада, который обычно принимали за времянку для «дикарей». Ещё в юности он по-

пробовал этого ремесла и всю жизнь тосковал по нему, а тут дорвался до милой сердцу стихии огня, металла и его перевоплощения.

В доме и усадьбе всё было кованое: калитка и узоры над окнами, кровати и цветы в вазах. Повсюду лежали запасы железа самого разного профиля, особо ценное, выплавленное на берёзовых углях и добытое в сносимых старых домах и церквях, оно хранилось отдельно, в специальном сарайчике, недоступное соли морского воздуха, от которого меняло кристаллическую структуру.

После бархатного сезона, с наступлением осени, когда разъезжались последние отдыхающие, Виктор Сергеевич отпирал кузню и, словно чародей-огнепоклонник, возжигал горн, почти не гаснувший до весны.

С апреля по октябрь он не носил никакой одежды, кроме плавок, загорал до синего, негритянского отлива, за что носил прозвище Мавр, и часто смущал своим голосом и видом одиноких женщин. Он настолько привык к прозвищу, что давно отзывался на него, и бывало, представлялся так своим квартирантам. В последние годы, как и все вокруг, он зарабатывал тем, что пускал к себе «дикарей», заселяя ими две времянки и три отдельные комнаты дома. Он долго удерживался от такого бизнеса, с весны до осени посторонних на свою усадьбу не пускал принципиально, и лишь когда умерла жена, не из-за денег, а от тоски поселил в доме отдыхающих. А за зиму соорудил в саду две времянки, и в самый разгар сезона население усадьбы доходило до пятнадцати человек.

В восемьдесят седьмом году, в бархатный сезон к Мавру явился немец Фридрих Шосс — старик лет семидесяти, очень хорошо говорящий по-русски (в то время иностранцы хоть и робко, но уже начали осваивать Крым). Объяснил, что в гостинице «Ялта» нет свободных номеров, а, дескать, так хочется несколько дней покупаться в море. Мест не было и у Мавра, но этот немец так настойчиво просился, что пришлось пустить его в чердачную недостроенную комнату, где было оборудовано спальное место. Коноплёв уже давно не испытывал особой ненависти к немцам; скорее, напротив, было некоторое любо-

пытство. Пару дней Шосс ходил вдоль моря, заметно прихрамывая, не купался и даже не загорал, а на третий не спустился с чердака. Мавр поднялся к нему и обнаружил немчуру совершенно здорового и даже весёлого.

— А я тебя искал, князь, — сказал он. — Всю жизнь искал. Я не поверил, что ты погиб в сорок пятом. Ты не мог погибнуть. Сменил фамилию — дело другое...

— Похоже, и ты сменил, — перебил Мавр, вглядываясь в квартиранта. — Как тебя раньше-то звали?

— Имени ты не знал. Что тебе были наши имена?.. Но фамилию должен помнить — майор Соболев, начальник разведки дивизии.

— Ну как же! Пивоварня в Берлине... Да, сколько годиков минуло! — Мавр сунул ему кулаком в отвисший живот. — Плохо сохранился, Соболев: пузо, как у старого мерина, обрюзг — никак бы не узнал.

— А я тебя сразу узнал, несмотря, что шкура чёрная.

— По этому? — Мавр показал шрам через всю щеку, напоминающий складку.

— И по этому тоже. Когда мне рассказали, какой ты, где и как живёшь, я ещё твоей новой фамилии не знал, но сразу понял: ты тот самый полковник.

— Ну, не полковник, а генерал-лейтенант! — с удовольствием поправил Мавр. — А кто меня обрисовал?

— Да один твой отдыхающий, случайно встретились в Италии.

Квартирант стриг глазами.

— Всю жизнь искал, такие силы и средства привлекал — никакой информации. А тут появляется хлипкий, нечаянно разбогатевший мужичок и рассказывает, как отдыхал, у кого... Художник! Мастер разговорного жанра!

— Значит, ты ещё навыков не утратил?

— Приумножил, князь, приумножил!

— Ну да, а иначе бы не выжил. Как подлечили-то в немецком госпитале?

— Неплохо...

— Чего же хромаешь?

— Хорошо — ногу не отняли!

— Значит, вернуться в СССР не пожелал?

— Ты помнишь, как я попал в госпиталь? Сам же сдал!

— А что, лучше было бы пулю в лоб закатать?

— Ты бы закатал, и рука не дрогнула...

— Дурень, я от смерти тебя спас! Куда бы ты в эсэсовской форме?..

Бывший майор помялся.

— В общем-то да... Ситуация... Оказался в американской зоне. Янки начали меня крутить... Вернулся бы к своим — или шлёпнули бы сразу, или в лагерь. Из группы никого не осталось, а кто ещё знал о нашей операции?

— Тот, кто отправлял!

— И кто бы меня пустил к Жукову? В Смерше бы и разбираться не стали...

Мавр сделал паузу и спросил уже мягче:

— Как жилось-то на Западе? По-немецки научился говорить? Или всё контуженого играешь?

— Научился... А в жизни ничего хорошего не было. В сорок седьмом раскрыли, осудили как советского шпиона и на семнадцать лет в тюрьму. Правда, через два года освободили...

— Перевербовали?

— Но меня же никто не вербовал, чтобы перевербовывать.

— А, ну да, присяга, значит, не в счёт... Согласился на сотрудничество?

— Ты нисколько не изменился! Что ты въедаешься? Мне семьдесят один год! А тебе лет на пять побольше, верно?

— На шесть, но я как-то об этом постоянно забываю, — добродушно признался Мавр.

Бывший начальник разведки дивизии панибратски хлопнул его по плечу.

— Но я не лечиться к тебе приехал, хотя говорят, ты практикуешь.

— Ностальгия замучила? Поехал сослуживца искать?.. Или другая причина?

— Другая... Поделиться бы надо, князь.

— А чем поделиться, майор?.. Или ты тоже подрос в звании?

— Бумажками поделиться, генерал. За которыми ходили. Теми, что из Берлина вывез. А потом будто бы взял и погиб.

— Так сожгли бумажки, Соболю! Костёрчик из них развели. Сам Георгий Константинович и запалил.

— Эти бумажки не жгут, — засмеялся тот. — Жуков за них и пострадал. Ни Сталин, ни Хрущёв не получили акций. Маршал приказал держать все у себя до особого распоряжения. И до сих пор бумаги находятся у тебя! С сорок пятого года!

— И сколько же ты хочешь получить?

— В любом случае половину пакета. Мы с тобой остались на этом свете только двое здравствующих. По-моему, других правонаследников не имеется.

— Как ты себе это представляешь? — насмешливо спросил Мавр. — Сейчас я открою сарайчик, достану акции, отсчитаю половину и отдам? Может, тебе головку полечить, а не ногу?

Такой оборот Соболю не понравился, одутловатость щёк сползла вниз, и лицо посерело.

— Я приехал в СССР как частное лицо. Но за мной стоят определённые силы некоторых цивилизованных государств. А здесь у вас перестройка, сближение с Западом, и вашему правительству не нужен скандал с веймарскими акциями. Они не были объявлены как трофеи, не пошли в счёт контрибуции. Получился нонсенс: ценные бумаги не принадлежат ни СССР, ни Германии. Ни одно из этих государств не может претендовать на них, ибо Гитлер добыл их преступным путём, а тому, как их приобрёл Советский Союз, мы с тобой живые свидетели. Но со временем их придётся передать Германии, не получив ни копейки, вместе с другими вывезенными ценностями. Ваш ЦК вместе с генсеком пойдут на любые условия, чтобы только не раздражать цивилизованный мир.

— Ты предлагаешь поделить и разбежаться?

— В одиночку ничего с бумагами не сделаешь, — уверенно сказал Соболю. — Тебя просто ограбят и уберут, едва обнаружат акции. Мгновенно!.. Для их реализации должно быть не менее чем прикрытие какого-либо свободного и цивилизованного государства. Я имею возможность обеспечить такое прикрытие.

— Подумаю. Слишком неожиданное предложение.

— Только не долго! Максимум три дня. Пока я отдыхаю.

— А вот сколько хочу, столько и буду думать! — вдруг склонился к нему и прорычал Мавр. — И ты мне тут сроков не ставь!

Бывший майор сдался, видимо, вспомнив характер хозяина.

— Хорошо, генерал, я подожду, больше ждал... Но жить буду у тебя. Мне нравится эта комнатка: чем-то напоминает развалины и молодость.

На следующее утро оставшийся для всех остальных немцем Фридрих Шосс изъявил желание наконец-то искупаться в Чёрном море вместе со всеми отдыхающими и хозяином «русского отеля» Мавром. Сделали организованный заплыв до буйков, после чего устроили игру в водное поло, и никто не заметил, как исчез иностранец.

Его сначала искали собственными силами, потом приехали водолазы и только через три дня, далеко от Солёной Бухты, обнаружили тело немца, прибитое волнами к берегу...

Два года после этого трагического случая Мавр не пускал к себе отдыхающих, но жизнь заставила, и он снова начал сдавать жильё, только супружеским или иным парам, однако в последнее время стало не до выбора, поскольку в конце восьмидесятых резко убавился поток отдыхающих. Потом бизнес набрал обороты, и на юг потянулись начинающие богатеть одиночки, и больше всего — барышни молодые и жаждущие развлечений предпринимательницы, жёны скоробогатых коммерсантов, ещё не освоившие пляжи Канар, удачливые валютные проститутки и просто челноки.

Через некоторое время вся эта публика открыла для себя заморские страны, и дом в летний сезон наполовину опустел.

Но были завсегда, приезжающие специально к нему по одной причине: Мавр лечил с помощью массажа многие заболевания — от хандры до бесплодия. Сам Мавр в благотное и лечебное действие своих рук не верил, а облегчение и улучшение здоровья клиенток (массировал исключительно женщин) относил к области психологии. Если что-то и лечил, то только душу. Однако бывало, что получал письма с благодарностью, в том числе и за восстановленные детородные

способности, над чем весьма осторожно шутили и посмеивались приятели.

И напрасно: если его лекарские способности помогали женщинам, то только милостью Божьей, поскольку Виктор Сергеевич всю жизнь был верен жене.

Лечение своё Мавр всегда проводил творчески и для каждой страждущей индивидуально. Если откровенно, над некоторыми пресыщенными и тоскующими особами он попросту издевался и умучивал их на массажном столе до полусмерти. После того как раза три он чуть было не подрался с ревнивыми мужьями, пришлось все свои лекарские таинства из комнаты выносить на всеобщее обозрение — в сад, под кроны платанов.

Зимой он придумывал новые способы лечения и летом отработывал их на отдыхающих, например массаж с листьями роз или пирамидального тополя, в морской или дистиллированной воде, перед сном и после пробуждения. Ещё лечил голосом — тихо и вкрадчиво басил какие-то слова то в одно ушко, то в другое и при этом массировал копчик. А то уносил стол к морю и там обкладывал женщин камнями, наваливал огромные тяжести, заставляя лежать по часу под таким тяглом, — конечно, потом испытываешь облегчение!

Мавр валял дурака, а чтобы мужья клиенток не возбуждали своих чувств, глядя, как чернокожий седовласый старик мнёт ягодицы и поглаживает шейки их возлюбленных, он заставлял ему помогать — таскать с моря «свежую» воду, рвать листья, носить те же камни. Валял дурака, глумился над богатенькими дамами и одновременно зарабатывал на электромолот для кузницы.

Цены всё росли и росли, нужной суммы никак не накапливалось...

После смерти жены он всегда чувствовал одиночество, но близких друзей не заводил. Последним, истинным и верным другом оставалась Любовь Алексеевна, с которой он прожил чуть ли не полвека. Она страстно любила телевизор и политику, верила в сверхъестественные силы и астрологию, а когда к власти пришёл Горбачев, с пятном на лысине, она успокоилась, сказала, что теперь Советский Союз ждёт стабильность и слава на вечные времена. Вскоре она умерла.

Виктор Сергеевич в одиночку оплакал её, и чтобы быть ближе к ней, отодрал кипарисовые доски от времянки, выстрогал их, сколотил гроб и схоронил жену в своём саду, под её любимой яблоней. Сначала на могиле поставил просто столбик, а через год привёз с каменоломни глыбу гранита и сам вытесал надгробие — два сросшихся восьмигранных кристалла в виде буквы V, заключённые в причудливый кованый орнамент.

За самовольное захоронение в неполюженном месте его начали преследовать власти Крыма, вплоть до прокурора: все требовали выкопать гроб и отнести его на кладбище, грозили тюрьмой, но перезахоронить прах без ведома Мавра никто не посмел, ибо весь прибрежный край Солёной Бухты стоял за него горой.

После Любви Алексеевны он не мог воспринимать других женщин. А из мужчин выделял и поддерживал тесные приятельские отношения с бывшим командиром подводной лодки Радобудом и дежурным с лодочной станции Курбатовым. С Радобудом его связывало одинокое, холостяцкое житьё: от отставного капитана первого ранга, хватившего дозу радиации, ушла жена. Они часто ходили с Мавром на быстроходном катере на рыбалку, ныряли с аквалангом и собирали со дна остатки древних цивилизаций в виде корабельных обломков и битой посуды и продавали в антикварные лавочки на пляжах.

Они порой целыми днями играли в шахматы.

Все остальные считались хорошими знакомыми и соседями — у Мавра не было врагов, поскольку он владел огромным потенциалом примиряющего начала и мог найти общий язык даже с самым горячим и нетерпимым горцем.

Были у него давние, верные отдыхающие постояльцы, челночницы, гоняющие за товаром в Турцию, приезжавшие на юг уже лет пятнадцать. Они приезжали и с мужьями, и с детьми, и с любовниками, и просто женской компанией. Потом постепенно от них перестали приходить открытки с поздравлениями, заказы на жильё в бархатный сезон. Прекратились и неожиданные наезды весёлой толпой; кто-нибудь из них заедет тихо и в одиночку, и то по торговым или каким-то странным делам, и уедет не прощаясь. Мавр сразу же понял, в чём дело:

они мучились и стыдились своей крайней нищеты, семейных разладов и одиночества.

Все они были из одного северного города Архангельска, все с филологическим образованием, умненькие, разговорчивые и все по-пионерски романтичные — обожали море, ночные костры, песни под гитару и приключения. И все любили массаж и голос Мавра, на магнитофон его записывали, чтобы слушать дома зимой.

И вот после длительного перерыва вновь нагрянули все вместе, оказывается попутно, с огромными клетчатými сумками, набитыми кожей и тряпьем. В красивых платьях и костюмах, с проблеском золота и серебра на руках и шеях, в изящной импортной обуви, украшающей ноги — неузнаваемые, счастливые и ухоженные дамы! Повисли все втроём на Мавре, тискали его, мазали губной помадой, гладили седые вихры и, не опасаясь за макияж, ревели чёрными слезами.

Как-то уж получилось, что он стал свидетелем их судеб, большого и важного отрезка жизни, блеска, нищеты и возрождения. И это нельзя было назвать дружбой, по крайней мере сам Коноплёв так не считал, поскольку подобных отношений за долгие годы жизни у тёплого моря наладилось тысячи и с самыми разными людьми. Между ними всегда стояли деньги, и они-то мешали сблизиться: заканчивался отдых, и наступало время платить за него. И отказаться от этого Мавр не хотел принципиально, ибо всё обращалось или могло обратиться в плоскость родственных отношений или что ещё хуже — в нахлебничество. У него был горький опыт, когда обнаруживаешь, что нахальство человеческое не имеет границ и стоит лишь единожды поступиться принципом, как потом потребуется несколько лет, чтобы отвадить халявщиков. Да ещё и расстаёшься чуть ли не врагами!

В день приезда для постоянных клиентов он устраивал бесплатный пир с винами разных сортов, шашлыками, азу собственного приготовления, горами всевозможных фруктов и катанием по вечернему морю на катере каперанга Радобуда; почти такой же загул следовал по окончании сезона, но за всё остальное надо было рассчитывать.

Челночниц он встретил по обыкновению щедро, никого из них не выделял вниманием, танцевал в саду с каждой примерно поровну и дурачился со всеми без обиды и скабрёзности и, разумеется, ни с кем не менял своего летнего наряда, однако когда отправились кататься на катере и к компании присоединились Радобуд и Курбатов, сам собой разложился марьяж. Марина забралась в рубку к капитану, Лена спустилась к профессору-пенсионеру в каюту играть в шахматы, а Томила — женщина, носящая цыганское имя, но совершенно на неё не похожая, — осталась на палубе с Мавром.

Почти счастливым, разгулявшимся и свободным дамам требовалось что-нибудь эдакое, романтично-сердечное, но кавалеры мало куда годились. Молодой ещё Радобуд вообще избегал женщин, дежурный лодочник-учёный перебрался на юг, чтобы лечить застарелый ревматизм, и в буквальном смысле скрипел на ходу, как немазаная телега, а Мавру, несмотря на здоровье, шёл девятый десяток, и кроме того, он пристроился в рубке читать газеты.

Но других-то кавалеров не было!

Море выдалось не очень-то для купания, после недавнего шторма пошла низовка, вода была градусов восемь, но когда из виду начала скрываться береговая полоса, барышни изъявили желание окунуться в открытом море. Для страховки вместе с ними нырнули и Радобуд с Мавром, побултыхались несколько минут, вылезли на палубу, и тут началось согревание женских тел. Согласно марьяжу.

Коноплёв ещё ничего не заподозрил и ничему не удивлялся, так как знал Томилу давно и относился к ней с чувством дедушки к внучке — это была условная игра со всеми молодыми женщинами. Она прижималась к Мавру и, слегка пьяненькая, шептала:

— Ты почему такой горячий? Тебе не холодно, да?.. Откуда в тебе столько энергии?

— От солнца, — сказал он.

— Я когда долго загораю, меня знобить начинает. И загар совсем не пристаёт... Давно хотела спросить... И мы сегодня с девчонками спорили — сколько тебе лет? Ты, как женщина, скрываешь свой возраст.

Он гордился своими годами, но и в самом деле иногда скрывал. Чтобы не шокировать впечатлительную публику.

И сейчас, слушая её шепоток, Мавр вспомнил время, когда Томила как-то приезжала с мужем, спортивным молодым человеком, а потом с двухлетним сыном и двумя годами позже — с любовником. И в первый приёмный день после пира как-то сами собой возникали мужские соревнования: в основном тянулись на руках или делали заплывы. Хозяин вначале не участвовал в развлечениях гостей, но его подначивали, поддразнивали и в результате втягивали в состязания. Мавр поочерёдно в разные годы уложил и мужа, и любовника Томилы, тем самым испортил отношения на весь сезон.

Ни тот, ни другой на юг больше не приезжали.

Сколько Мавру лет — гадали чуть ли не все постояльцы, и когда он говорил правду, уличали в кокетстве. Она тоже не поверила, с прищуром белёсых ресниц осмотрела его грудь, шею, попыталась разглядеть складку, перечёркивающую левую щёку от виска до подбородка, поняла, что это не морщина, а глубокий, закамуфлированный врачами шрам, но спросила совершенно об ином.

— Ты кто, Мавр? Ты кем был раньше?

Это уже был девяносто пятый год, и потому он сказал открыто:

— Генералом был.

И этому она не поверила, осталась при своём мнении.

Но когда вернулись домой и уже вшестером продолжили пир, впервые за много лет он изменил себе и, удалившись в свою комнату, вышел оттуда в генеральском мундире со звездой Героя Советского Союза и иконостасом орденов и медалей до живота. То ли от радости неожиданной встречи, то ли от вечного тягла двойной жизни ему захотелось не то чтобы поразить воображение Томилы, но как бы заявить о себе настоящем. Форму он купил на рынке в Ялте два года назад, то есть в девяносто третьем, после распада СССР, после расстрела парламента, как знак протеста, достал из тайника все свои награды и пришел к генеральскому кителю золотые плетёные погоны образца шестидесятых годов. И фуражка оказалась современ-

ная, позорная, с южноамериканской высокой тульей, но другой, настоящей, русского покроя, уже негде было взять.

За столом возникла долгая пауза. Более всего ошарашен был каперанг. Тот просто язык проглотил, увидев в приятеле генерал-лейтенанта. Томила лишь рассмеялась, захлопала в ладоши и заявила, что Мавру нужно сниматься в кино. А Радобуд вдруг стал говорить ему «вы», как-то сразу очужел и, прихватив с собой дежурного профессора-лодочника, удалился.

После пира, когда женщины разбрелись спать, а обряженный в привычную спортивную форму Коноплёв принялся мыть посуду, каперанг вернулся и неожиданно заявил:

— Я догадывался, вы не простой человек. Вы не школьный учитель, как представлялись. И возраст скрываете.

— Что с тобой случилось, капитан? — спросил Мавр. — Это же театр, и ничего больше. Форму купил в Ялте по случаю вместе с орденами. После смерти Любы скучно жить стало... Хотел перед Томилой хлестануться.

— В прошлом году ко мне приходили люди... Спрашивали про вас. Выпытывали, что знаю, чем вы занимаетесь, с кем встречаетесь, кто приезжает отдыхать. Шантажировали...

— Что же ты сразу не сказал?

— Расстраивать не хотел, да и не поверил им, что вы другой человек, не тот, за кого себя выдаёте... Эти люди не из милиции, слишком дотошные и умные. Склоняли шпионить за вами, но мне ведь терять нечего...

— Спасибо... Вытирай посуду.

Радобуд послушно схватил полотенце.

— Теперь убедился: вы на самом деле генерал.

— Это моя мечта юности! — засмеялся Мавр. — А сейчас, видно, в детство впадаю, форму купил, за Звезду и ордена такие деньги выложил!.. Оказалось, дешёвая подделка.

— Я двадцать лет на флоте оттрубил. И кое-что повидал. Форма на вас сидит. Вы её поносили дай бог всякому. И ордена натуральные...

— И всё-таки это шутка...

— Теперь я понял, кто выступал на митинге, — почти шёпотом сообщил Радобуд. — Всё гадал — кто?..

— На каком таком митинге?

— В Ялте!.. Октябрь девяносто третьего, расстрел парламента России...

— Не хватало ещё на митингах выступать! Я не по этой части...

— Это были вы! Вы призывали отставных офицеров встать в строй и взять оружие, — заговорил с оглядкой. — Точно, вы... Загар только с вас уже сошёл. Но он всегда к октябрю смывается...

— Будет врать-то, каперанг! Какой из меня полководец? Я больше по женской части, массаж, моцион...

— Ну, как хотите, товарищ генерал, — Радобуд ничуть не расстроился. — А скажите мне... ну, по секрету, что ли. Неужели Россия теперь никогда не встанет с колен? Я так переживаю, товарищ генерал!.. Я готов был идти за вами в Ялте! И сейчас готов!.. Но кругом одни изгой! С кем идти?

Мавр отложил неотмытую тарелку и снял фартук.

— Знаешь что, каперанг... А не прокатиться ли нам на катере по ночному морю?

Тот всё понял, лихо козырнул:

— Есть, товарищ генерал!

Они пришли на лодочную пристань, отбоярились от компании Курбатова, который заступил на дежурство, взяли катер, в полном молчании отошли от берега на полтора километра и легли в дрейф.

На море был полный штиль и классическая лунная дорожка, расчеркнувшая бесконечное водное пространство.

— Как ты сказал — изгой? — переспросил Мавр. — Пожалуй, слово подходящее...

— А кто ещё? — подхватил Радобуд. — Равнодушная, но энергичная полупьяная толпа, которой помыкают как хотят! За несколько лет перекарасились в красных, теперь срочно малюются под демократов... Низость, пошлость, темнота и никакого чувства достоинства!

— Это хорошо, что ты понимаешь обстановку. Но мне всегда жаль изгоев, каперанг. Смотрю на этих женщин... побросали профессию, рвут жилы, мотаются по странам. Кругом воров-

ской или торгашеский дух... Вырождение нации, славянского единства... Вечный принцип — разделяй и властвуй! Пора бы заступиться нам за славян...

— А я ловлю себя на мысли, что начинаю презирать свой народ, — признался Радобуд. — Наверное, это нехорошо... Но не могу смотреть, как его унижают, а он молчит. И это выдётся за долготерпение! Положительное качество! Только бы не было войны!

— Смири своё жёсткое сердце, каперанг, — посоветовал Мавр. — Не суди строго, не руби сплеча.

— Ладно, пусть так!.. Но что станет с Россией? С Украиной? У меня есть чувство, вы знаете!

— Всё будет в порядке. Опять как в сорок пятом.

— Понял, придётся отступить до Москвы и топать, например, до Вашингтона.

— Нет, снова до Берлина. И топать не придётся...

— Война с немцами? Что-то плохо верится... Наш этот вечный пьяный президент из Германии не вылезает, лучший немец... Стыд смотреть! Под канцлера подкладывались, что тот пятнистый, что этот!

— Да нет, каперанг, ты приглядиись внимательнее, — засмеялся Мавр. — И увидишь, кто под кого ложится. И кто над кем куражится.

— Не понял... Я что, слепой? Это же национальный позор!.. Они покорили Россию, развели нас с Украиной и Белоруссией. И теперь издеваются. И надо, чтоб опять, как в сорок пятом?..

— Не кипятись, каперанг, всё будет нормально и без войны.

— Весь вопрос — когда? Мы хрен дождёмся!

— Ничего, дождёмся. Если ты мне поможешь.

— Да я готов!..

— Верю, иначе бы и разговора не затевал... Мы вот с тобой ныряем на дно морское, собираем битую посуду и получаем свои гнусные копейки. А сами на золоте сидим! Вся объединённая Европа должна бы отслюнивать нам зарплату, каждому жителю бывшего СССР Примерно по триста баксов ежемесячно.

— Такого никогда не будет, — уверенно заявил Радобуд.

— Да, это из области фантастики. Другое воспитание.